

*Посвящается Джилл, Бернарду и Лиз.
А также памяти Грэма Джойса и Мишеля Парри*

Должны терпеть
Мы умираенье, как рожденье тер-
пим.

*Уильям Шекспир. Король Лир*¹

¹ Перевод О. Сороки.

1

Последний раз он видел дочь в палисаднике. Два года назад.

Отец уже не помнил, сколько раз проигрывал у себя в голове события того жаркого дня. Только в первые полгода после похищения не меньше тысячи. Он подозревал, что его жена, Миранда, возвращалась к тому дню еще чаще, с каждым разом все сильнее отдаляясь от окружающей действительности. Он до сих пор верил, что отчасти она так и осталась стоять в палисаднике их старого дома, бледная от шока.

Он мысленно проматывал дерганные кадры воспоминаний — сперва пересвеченные, потом слишком темные, все снятые в тот день, ставший его худшим кошмаром. Искал в них хоть какую-то зацепку, мысленно переснимал их, пытаясь представить другое развитие событий. Затем смотрел их на повторе, тем самым наказывая себя. Но хватаясь за обрывки воспоминаний, цепляясь за более мутные фрагменты тех последних роковых минут, он всегда почти сразу же замечал новые детали.

Чем больше он напрягал память, тем сильнее в нем крепло искушение действовать быстро и решительно. Сделать то, что не совершилось тогда. Но как бы усердно он ни старался, изначальный сценарий так и оставался без изменений, непереписанным.

Палисадник был многоярусным. Впервые Отец увидел его, когда они с женой занимались поисками дома. Он напоминал ступенчатую пирамиду вроде тех, что бывают в джунглях, или склон холма, разделенный древними фермерами на уровни. Отцу часто приходилось работать вдали от дома, и те два года, пока они жили здесь, его жена аккуратно и с неизменным упорством, ярус за ярусом, обрабатывала склон. На этом выходящем на улицу огороде росли кукуруза и картофель, цукини, тыквы, кабачки и капуста. За домом, в длинном ровном саду, в бамбуковых вигвамах зеленели бобы, а затянутые блестящим полиэтиленом теплицы, сверху напоминающие лужицы воды, простирались до самой дальней ограды. Задний сад приносил все фрукты, которые только можно было пожелать.

Отец перевез семью из Бирмингема на побережье, когда Темза стала слишком часто выходить из берегов, а новый приливный барьер еще не достроили. Это означало, что сперва десятки, затем сотни тысяч и, наконец, миллионы людей переезжали из Лондона во второй по значимости город — окруженный со всех сторон сушей кусок юрского известняка, не подверженный наводнениям и расположенный достаточно высоко, чтобы волны, которые однажды поднимутся на девяносто футов над остальным миром, не достали до него. По

ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ

какой-то жуткой иронии люди, бегущие с юго-востока, направлялись в то место, где когда-то началась промышленная революция, крепко завязанная на угольном отоплении. Вместе с людскими массами переезжали банки и предприятия, а также большая часть центрального правительства со всеми его филиалами: все старались приспособливаться. Переселенцы двигались непрерывным потоком, бежали от наводнений и массовых уличных беспорядков, перед которыми полиция была бессильна. От такой эвакуации цены на жилье взлетели вдоль всей линии отступления. Но поскольку бóльшая часть денег страны была сосредоточена в Лондоне, тому пришлось расстаться с их частью.

Во время этой великой миграции их дом на юге Бирмингема, неподалеку от последней приличной школы, был продан за сумму, намного превышающую ту, которую они выложили за него в свое время. Они были одними из немногих первых выигравших, так как мировые продуктовые рынки рухнули, а экспорт продовольствия замедлился до минимума — пока наконец не иссяк. По крайней мере, для тех, кто не был наделен средствами и коварством. После того как пахотные земли между городами засеяли генетически модифицированными, устойчивыми к засухе сельскохозяйственными культурами, новых домов строилось мало. Каждое поле, где паслись овцы и крупный рогатый скот, каждый городской парк, футбольное поле, газон, насыпь вдоль автомагистралей — каждый дюйм озелененной территории — отдали под новые культуры, поскольку мясо и рыба исчезли с полок магазинов.

Отец с женой и ребенком переехал на побережье, но не в то место, которое грозило уйти под воду. С давних пор из-за дефицита работы там мало кто хотел жить. А до появления новых волн беженцев еще оставалось какое-то время. Отец перевез семью в дом на одном из холмов города Торки. Из окон открывался красивый вид, и рядом был свой огород. В Девоне все выращивали еду и за десять лет вынужденно превратились в вегетарианцев.

Во времена, когда все становилось только хуже и впереди не было видно просвета, дом на холме казался безопасным местом. Защищенный деревьями, просторный, светлый, открытый морским ветрам, он располагался вдали от шумных автомагистралей и городской нестабильности, которую семья оставила позади. Им казалось, что это лучшее место, где они смогут растить и лелеять своего единственного ребенка.

В *тот день* дочь гуляла в палисаднике их дома на высоком холме.

Отец находился в комнате наверху, в своем домашнем кабинете, писал сообщения женщине, никак не связанные с работой, и такие, которые не мог отправлять женатый мужчина. Из открытого окна доносился легкий шум проезжающего вдалеке автотранспорта — в основном местного. Часто это были грузовики, везущие зерно из житницы Восточного Девона и с обширных возделанных полей Дартмура.

Из-под окна то и дело слышался голос дочери, комментирующей работу матери, что всегда вызывало у Отца улыбку. Какое-то время он наблюдал,

ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ

как она, двигаясь проворно и целеустремленно, перетаскивает с места на место маленькое пластиковое ведерко, заполненное молодым картофелем. Затем снова вернулся за стол.

Дочь находилась на третьем из четырех ярусов палисадника — на полпути между домом и улицей. Ее мать — на четвертом, ближайшем к дому.

Отец услышал, как жена вошла в дом — через двери террасы, ведущие в гостиную. Начиная с конца весны до начала осени они в основном обедали на террасе — этот замощенный участок стал для них уличной столовой.

Зайдя в дом, жена крикнула Отцу: «Она у грядки с корнеплодами. Собирает картошку для космического полета к Нэнни». Отец рассмеялся, хотя не мог не признать, что эта фраза его тронула, в тот день его мысли занимали иные вещи. Например, возможность овладеть телом другой женщины на продовольственной конференции в следующем месяце. Он знал, что жена поручила ему следить за дочерью из окна. И собирался так поступить, когда закончит свои дела. Когда допишет сообщение, соблазняющее и одновременно ни к чему не обязывающее.

Жена принесла из гостиной на кухню два ведра лука и огурцов. Опустила их на пол. Затем высыпала огурцы в дуршлаг и поставила его в раковину. Отцу казалось, что он помнит шум струи из-под крана — сначала напор был сильным, потом уменьшился. Тем летом воды, как всегда, не хватало. Водохранилища, которые наполнялись во время весенних паводков, сейчас пустили на орошение

посевов, вдобавок все уходило на охлаждение новых электростанций, и последнее время так было всегда.

Пока вода бежала, Отец услышал, как дочь позвала: «Мамочка». Без какой-либо тревоги в голосе.

Отец допечатывал последнее предложение — ему не терпелось быстрее отправить его, чтобы он мог выглянуть и посмотреть, чего хочет дочь. Та снова позвала мать из палисадника — на этот раз голос был чуть громче. Внизу на кухне лилась вода. Жена не слышала окликов.

Дочь снова позвала ее с улицы. Отец услышал, как малышка сказала: «Что это?» Он подумал, что дочь обращается к своим игрушкам. Больше она ничего не произнесла. Но Отец услышал стук пластика. Это ведро дочери упало на сухую почву.

Прошло еще несколько мгновений.

Жена выключила кран. Отец услышал, как звякнули металлические ворота участка. Они находились в конце цементной дорожки, проходящей сбоку от дома и спускающейся по склону к дороге.

При этом звуке Отец поспешно отодвинул стул от стола, забыв про переписку, встал и подошел к окну.

Несмотря на то что он всегда переживал из-за автомобильного движения на улице, дочь никогда не спускалась с палисадника без сопровождения. И даже если бы зашла так далеко, то не смогла бы отпереть ворота.

Он подумал, что этот звук был попыткой кого-то из посетителей открыть ворота — какого-нибудь уличного торговца или евангелиста. Он не услышал

ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ

характерного скрежета тяжелой металлической рамы по первой плитке дорожки. Лишь те, кто был знаком с воротами, знали, что ее нужно сперва приподнять, а лишь потом тянуть или толкать.

Отец посмотрел из окна на палисадник. Он не увидел дочь ни на третьем ярусе, ни на четвертом, ближе к дому, ни на втором, там, где когда-то была лужайка. На первом ярусе плотно росли деревья — их оставили, чтобы скрыть фасад здания от посторонних глаз.

На террасе появилась жена, пересекла ее с беззаботным, расслабленным видом. На ней были зеленые резиновые перчатки, джинсовые шорты, одна из его футболок и кроссовки. Глядя на ее затылок, Отец собирался сказать: «Я ее не вижу» — но не стал.

Жена быстро посмотрела по сторонам, затем оглянулась назад. Спокойным голосом позвала дочь по имени, так же спокойно вернулась в дом.

Отец решил, что дочь прячется за деревьями в конце палисадника. В те дни, когда он был дома, она часто играла в прятки, и в рощице была пара мест, где она прижималась к стволу, закрыв глаза руками, и думала, что ее никто не видит. Но Отец не мог разглядеть ее розовых шортиков или красной футболки среди темной зелени, скрывающей крышу гаража. Вглядываясь в деревья, он слышал далекий звук работающего на холостом ходу двигателя. Хлопнула дверь, потом еще одна.

Тут из дома вышла жена — уже куда быстрее, чем раньше. Остановилась и замерла. От ее позы Отца тут же захлестнула тревога, закололо в животе. Жена быстро пересекла террасу, направилась к

грядкам, спустилась на второй ярус и посмотрела на ведро. Снова повернулась к дому и заметила в окне Отца. На мгновение на лице у нее отразилось облегчение. Она явно подумала, что Отец все время, пока она была в доме и возилась с овощами, наблюдал за их девочкой и знает, где та.

Но потом жена, должно быть, увидела что-то в глазах Отца, потому что ее лицо приняло выражение, которое бывало, когда дочь вырывалась из рук и теряла равновесие. Она снова посмотрела на палисадник и позвала дочь. Наступила короткая, но жуткая тишина. Жена посмотрела на окно отцовского кабинета и спросила: «Где она?»

Будто в ответ, с улицы донесся рев набирающего обороты двигателя и визг шин. Отец внезапно почувствовал, будто стоит в лифте, который стремительно падает в бездну.

Нет, нет, нет, нет, — запричитал фальшиво-веселый голосок у него в голове. Отец выбежал из комнаты, бросился вниз по лестнице, миновал коридор, гостиную и выскочил на террасу. К тому времени жена находилась уже на первом ярусе, снова и снова торопливо зовя дочь по имени напряженным голосом.

Отец пробежал по дорожке, спрыгнул со ступенек на нижний уровень и увидел, что ворота приоткрыты. У него перехватило дыхание. За какую-то долю секунды перед глазами промелькнули все плакаты по безопасности дорожного движения, которые он видел за свою жизнь. Но он не слышал шума автомобилей, поэтому, если дочь вышла на улицу, опасность от приближающихся машин ей не грозила.

ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ

Он вспомнил ее последние слова: «Что это?»

Тогда он впервые заподозрил, что ее мог похитить незнакомец. Когда эта мысль пришла ему на ум, голова жутко закружилась, будто он только что слез с карусели на игровой площадке. Потеряв равновесие, он схватился за ворота.

Затаив дыхание, вышел на улицу. Ноги дрожали, его словно контузило. Улица внезапно показалась какой-то более яркой, но воздух был прохладнее, чем тогда, когда он бежал через палисадник.

Жена окликнула его из-за деревьев. Со слезами в голосе добавила три слова: «Ее здесь нет».

В верхней части длинной улицы, протянувшейся от больницы до главной дороги, по которой он добирался до автострады, а потом напрямиком на работу, примерно в трехстах футах от себя Отец увидел три машины. Белая поворачивала на их улицу, красная ждала у стоп-линии, чтобы повернуть налево — что она и сделала, когда он посмотрел на дорогу. За красной ехал черный электромобиль-внедорожник. Его стоп-сигналы сверкнули, как две вишенки на солнце.

Над улицей мерцала пыльная взвесь. Пешеходов не было.

Отец зашагал в сторону перекрестка. Он не бежал, какая-то его часть отчаянно пыталась прогнать мысль о том, что дочь похитили. С самого ее рождения его постоянно мучила тревога за ее безопасность. Но то, что он испытывал сейчас, усилило инстинктивный страх до такого уровня, что заложило уши и перехватило дыхание.

«В палисаднике ее нет». Жена спустилась по ступеням и вышла на улицу. Он даже не заметил ее.

Адам Нэвилл

Все еще не веря, Отец окинул взглядом соседние участки, посмотрел через улицу, оглянулся назад, пытаясь одной силой мысли заставить дочь появиться.

На Т-образном перекрестке черная машина по-прежнему ожидала своей очереди, чтобы продолжить движение. Наконец Отец обрел голос и позвал дочь по имени.

Снова услышал оклики жены у себя за спиной. Она вернулась в палисадник. Ее голос звучал все пронзительнее в неподвижном влажном воздухе.

Черная машина в конце улицы, казалось, никуда не спешила. С расстояния в двести футов Отец не смог прочесть ее номер. Его ноги будто налились свинцом, но вскоре он перешел с быстрого шага на бег и заплакал, как напуганный ребенок.

Черная машина повернула налево, на главную дорогу, и исчезла из виду.

2

Малюсенькие розовые тапочки, с передками в форме мышиных мордашек. Усики она давно оторвала.

Отец вытер вспотевшие руки о простыню и положил тапочки на матрас. Извлек еще один предмет из розового рюкзака: футболку, такую крошечную, что от ее вида у него защемило сердце. Иногда он доставал ее и подносил к лицу, веря, что все еще может уловить аромат своего ребенка — смесь солода и мыла.

Футболка была желтого цвета, с медвежонком, держащим в лапке мороженое. Дочь была в ней на его любимой фотографии, которую он всегда ставил на прикроватные столики в многочисленных комнатах, которые снимал, вроде этой.

Тогда ей было три года, она стояла у них в саду, среди зонтиков из тыквенных листьев, закрывавших ноги. День был такой солнечный, что снимок казался засвеченным. Дочь улыбалась, демонстрируя маленькие квадратные зубки, а из-за света, падающего на черные как смоль волосы, макушка у